

Глава 3

МАРКСИЗМ

В данном учебнике рассматривается та часть марксистских воззрений, которая относится к теории истории, часть, которая впоследствии стала называться **историческим материализмом**. Вопросы философии в узком смысле и политэкономии будут затрагиваться лишь в связи с основной темой.

Появление марксизма именно в 40-х гг. XIX в. было не случайным. Это был период раннего, «дикого» капитализма, когда ярко проявлялись его разрушительные по отношению к прежнему строю потенции, когда эксплуататорский характер использования наемного труда оказался особенно наглядным и когда неорганизованный еще рабочий класс уже начинал борьбу за свои права (восстания лионских ткачей в 1831 и 1834 гг., чартистское движение в Англии в 1836–1848 гг.). Эти первые вспышки классового антагонизма натолкнули Карла Маркса (1818–1883) и Фридриха Энгельса (1820–1895) на мысль о том, что рабочий класс («пролетариат», как он назывался в некоторых публицистических работах) есть та сила, которая может преодолеть капитализм и установить справедливый строй.

Это была теория, объясняющая становление уже господствовавшего тогда в Западной Европе капитализма и обосновывавшая неизбежность его крушения.

К тому времени возникли также духовные предпосылки формирования этой концепции. В. И. Ленин отметил «три источника» марксистской теории: это немецкая философия (прежде всего, конечно, историософская концепция Г. В. Ф. Гегеля и материализм Л. А. Фейербаха), британская политическая экономия (прежде всего «трудовая теория стоимости» А. Смита и экономический детерминизм Ричарда Джонса [1790–1853]) и французский утопический социализм (Ж. Мелье, Ж.-Ж. Руссо, Г. Бабёф, К. А. Сен-Симон, Ш. Фурье и др.). К этому списку нужно добавить также деятелей эпохи Просвещения, развивавших идеи прогрессивного развития человечества, и взгляды французских историков О. Тьерри, Ф. Минье и Ф. Гизо, обнаруживших классовое деление общества и классовую борьбу (см. выше главу 2 настоящего издания).

Влияние этих историков и британских экономистов К. Маркс признавал и сам: «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном сообществе, ни та, что открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты – экономическую анатомию классов» (Маркс, Энгельс, т. 28: 424, 427). Не мог бы Маркс отрицать и другие перечисленные выше влияния. Марксизм впитал пафос науки XIX века – веру в безграничный прогресс, во всемогущество познания, в познаваемость закономерностей всех происходящих процессов.

Таким образом, это была теория, опирающаяся на наиболее передовые взгляды в западноевропейской исторической, экономической и социологической науках того времени. В ней было мало нового. И тем не менее это был именно оригинальный синтез идей, давший новое качество, теорию, которую невозможно «растворить» в прочей европейской мысли, которой суждено занимать индивидуальную позицию. В марксизме соединяются научная методология изучения общества и политическая доктрина. Сочетание материалистической трактовки истории, классового подхода, простой и на первый взгляд неоспоримой схемы всемирной истории и пророческого провозглашения скорого наступления совершенно нового общества – все это делало марксизм притягательным для широких слоев более или менее образованной публики. Несмотря на весь свой материализм, он сохранил те черты христианской эсхатологии, которые присутствовали в концепции мировой истории Гегеля: представление о неизбежном торжестве Царства Божия на Земле (которое, правда, получило название коммунизма). Все предыдущие события – это лишь «предыстория человеческого общества» (Там же, т. 13: 8)

Сам Маркс так оценивал новаторство своей теории: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства*; 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов и к обществу без классов* (выделено Марксом. – Л. А.)» (Там же, т. 28: 427). Так что В. И. Ленин был в некотором отношении прав, когда утверждал, что только «тот марксист, кто *распространяет призна-*

ние борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата* (выделено Лениным. – Л. А.)» (Ленин, т. 33: 34).

Маркс ошибся в своих предвидениях, которые были основаны на экстраполяции происходящих в его время процессов. Он был уверен, что крупная промышленность окончательно вытеснит мелкую, что произойдет обнищание рабочего класса, в связи с чем его революционность будет нарастать, что капитализм уже погряз в порождаемых им противоречиях, и его крушение не за горами. Его представления о будущем коммунистическом обществе, к которому он призывал, отличались утопизмом. Из его работ явствует, что апофеозом предыстории станет тоталитарно-казарменное общество (Маркс, Энгельс, т. 42: 113–127; Колонтаев 2008).

Учение о классах и классовой борьбе явилось ядром выстроенных над этим постулатом историсофских концепций. Первый раздел «Манифеста Коммунистической партии» (январь 1848 г.) начинается фразой, выражающей существо учения: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» (Маркс, Энгельс, т. 4: 424).

К этой фразе в английском издании 1888 г. Энгельсу пришлось сделать примечание: «То есть вся история, дошедшая до нас в *письменных* источниках». Забвение в этой фразе первобытной эпохи, когда, по представлениям тех же Маркса и Энгельса, классов еще не было, Энгельс объясняет именно тем, что в 1847 г. еще практически ничего не было известно о первобытности. Это обстоятельство – отсутствие данных о первом этапе жизни человечества – объясняет то обилие формулировок, которые Маркс употреблял в отношении этого этапа, в частности, «загадку» «азиатского способа производства». Об этом будет сказано ниже.

Авторы «Манифеста» уже в этом произведении выявляют схему истории, имевшуюся в их головах, выделяют этапы, которые потом станут называться «формациями»: «Древний Рим», «Средние века», «современное буржуазное общество». Прослеживаются изменения участников классовой борьбы, постепенное выдвижение буржуазии в качестве господствующего класса, формулируется один из основополагающих постулатов марксистского понимания характера исторического развития: производительные силы развиваются до уровня, когда их дальнейшему росту начинают препятствовать сложившиеся отношения собственности. Тогда эти отношения разбиваются и возникает другое общество. Наконец, выска-

зывается мнение, что современные авторам производительные силы уже готовы разбить буржуазный строй и что орудием этого разрушения старого строя станет пролетариат. «Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс» (Маркс, Энгельс, т. 4: 434).

Несмотря на некоторые подвижки во мнениях основоположников марксизма, Энгельс до конца жизни был уверен, что «всякая историческая борьба – совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области – в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов» (Там же, т. 21: 259). Правда, к тому времени понимание классовой борьбы изменилось. Маркс и Энгельс в 1840-х и 1850-х гг. призывали к насильственной революции и считали насилие «повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым» (Там же, т. 23: 761). В 1885 г. Ф. Энгельс признает, что обстоятельства в Европе изменились, что положение рабочего класса улучшилось, что он может отстаивать свои интересы легальными средствами, и призывает германских социал-демократов развертывать парламентскую борьбу, старается удержать их от революционных выступлений (Там же, т. 22: 543–548).

Довольно странно, что в сочинениях Маркса и Энгельса нигде нет определения того, что же такое «общественный класс». Последователи Маркса (по крайней мере, в странах «реального социализма») вынуждены были пользоваться определением класса, которое было дано В. И. Лениным: «...большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают» (Ленин, т. 39: 15). Это громоздкое определение, страдающее тавтологией, не многим помогло в «классовом анализе» конкретных обществ. «Классовый подход», как правило, сводился к объявлению одного класса «господствующим», а другого – «эксплуатируемым». Какого-либо метода классового анализа конкретного общества, метода, претендующего на полное раскрытие классового состава, никогда не предлагалось.

Почему-то в марксистской литературе нет понятия многоклассового общества.

Из тезиса о постоянной классовой борьбе вытекало и отношение к государству как к орудию в руках господствующего класса для подавления своего антипода. Этот тезис возникает еще в «Манифесте коммунистической партии» (Маркс, Энгельс, т. 4: 426) и довольно настойчиво проводится в одной из последних работ Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Там же, т. 21: 170–171). Ленинское понимание этой проблемы (государство – «машина для угнетения одного класса другим») (Ленин, т. 39: 75) стало основополагающим для отечественной исторической школы в советский период. Принятие этого тезиса фактически блокировало изучение истории института государства как самостоятельной проблемы.

В целом виде концепция Маркса и Энгельса не была создана. Нет такого обобщающего труда, в котором авторы дали бы определения основных употребляемых ими категорий и исследовали их взаимные связи. Наиболее четкие формулировки Марксова понимания истории содержатся в его работе 1859 г. «К критике политической экономии». Это краткое изложение является одновременно и самым пространным. Более полное представление о теории марксизма приходится получать из разбросанных отдельных замечаний, намеков и проговорок. Вот эта формулировка, которая служит объектом бесконечных дискуссий среди марксистов: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является лишь юридическим выражением последних – с отноше-

ниями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. <...> Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. <...> В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, <...> но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества» (Маркс, Энгельс, т. 13: 6–8).

В этом отрывке содержатся все категории, необходимые для построения теории: производительные силы, производственные отношения (и, что то же самое (?), отношения собственности), способ производства, базис и надстройка, формация, наконец, представление о взрывчатом характере исторического процесса, о необходимости «социальной революции». Однако все они не раскрыты, лишь названы. В дальнейшем марксисты пытались дать более развернутые определения этих категорий, но мало преуспели, поскольку Маркс и Энгельс в других работах давали противоречивые разъяснения, а также потому, что марксисты пытались согласовать это жесткое логическое построение с многообразием общественных отношений и сложностью человеческой личности.

Категория «производительные силы» задает конструкцию общественной системы и лежит в основе всей концепции смены формаций. Но она же наиболее загадочна. В приведенной выше цитате содержится выражение «материальные производительные силы», что можно понять как орудия труда и иные употребляемые людьми приспособления. Такое понимание опирается также на ряд других высказываний Маркса и Энгельса. Например, «приобретая (у кого? – Л. А.) новые производительные силы, люди изменяют

свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, – они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает нам общество с союзенном во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом (выделено мною. – Л. А.)» (Маркс, Энгельс, т. 4: 133). Энгельс также, по существу, сводит понятие производительных сил к орудиям: «Орудия дикаря обуславливают *его* общество совершенно в той же мере, как новейшие орудия – капиталистическое общество (выделено Энгельсом. – Л. А.)» (Там же, т. 36: 146).

Неудивительно, что последователи Маркса понимали эту проблему аналогичным образом. Например, Н. И. Бухарин писал: «...Исторический способ производства, т. е. форма общества, определяется развитием производительных сил, т. е. развитием техники» (Бухарин 1924: 133, см. также с. 131).

Однако в работах Маркса встречается и иное понимание производительных сил, в частности признание того, что «главной производительной силой» является сам человек (Маркс, Энгельс, т. 46, I: 403), что «всестороннее развитие человека» – это и есть «всеобщая производительная сила» (Там же, т. 46, II: 213–214). Маркс понимает, что «вещные элементы производительных сил» – это «созданные человеческой рукой органы человеческого мозга, овеществленная сила знания» (Там же, т. 46, I: 215). Однако все эти проговорки не заслонили тех формулировок, где орудия труда или «средства производства» получали как бы самостоятельное существование.

Главным недостатком марксистского понимания своей же основной категории является недооценка человека как личности и, следовательно, как центральной фигуры любого производства. Особенно недооценка творческого труда, творчества вообще, роли изобретений в развитии экономики. «Труд» фигурирует во многих положениях марксизма, но это практически всегда именно физический труд. «Рабочая сила» заменяет в рассуждениях человека с его менталитетом и способностями. В политэкономических работах Маркса делается некоторое различие между «простым трудом» и «сложным трудом», но ведущая роль второго, творческого, не отмечается. Сама трудовая теория стоимости, основанная на понятии «абстрактного труда», исходящая из возможности определения стоимости товара количеством рабочего **времени**, затраченного на его производство, по существу, означает непонимание творчества как важнейшего вида труда.

Непонимание значения творчества и даже враждебное отношение Маркса к творческим личностям видно из следующего пассажа: «Исключительная концентрация художественного таланта в отдельных индивидах и связанное с этим подавление его в широкой массе есть следствие разделения труда». «В коммунистическом обществе не существует живописцев, существуют лишь люди, которые занимаются и живописью как одним из видов своей деятельности» (Маркс, Энгельс, т. 3: 393).

Ученики Маркса почувствовали его пренебрежительное отношение к творческому труду. Н. И. Бухарин, например, считал, что «интеллектуальный труд постоянно как бы *вытекает* и затем *обособляется* от материального производства». Он презрительно называл его «нематериальным трудом», «надстроечным трудом» (Бухарин 1988: 44–46; об отношении марксизма к роли личности см. также главу 13).

Работа И. В. Сталина (1879–1953) «О диалектическом и историческом материализме», опубликованная в 1938 г., была воспринята в СССР как последнее слово марксистской теории, окончательно разъясняющее все вопросы. Там было сказано: «**Орудия производства**, при помощи которых производятся материальные блага, **люди**, приводящие в движение орудия производства и осуществляющие производство материальных благ благодаря известному **производственному опыту** и **навыкам к труду**, – все эти элементы вместе составляют **производительные силы** общества (выделено Сталиным. – Л. А.)» (Сталин 1939: 550). «...Изменения и развитие начинаются всегда с изменений и развития производительных сил, прежде всего – с изменений и развития орудий производства» (Там же: 552). Эти формулировки стали догмой и глубоко укоренились в сознании советских философов и «истматчиков», так что они употребляются вплоть до сего дня. Например, современный энциклопедист в области истории, антропологии и историософии Юрий Иванович Семенов (р. 1929) пишет: «...человек является производительной силой лишь в том случае, если он знает, как приводить в движение и умеет приводить в движение средства труда, т. е. обладает культурой труда и т. п.» (Семенов 1995: 31).

После смерти Сталина стало возможным дискутировать и по вопросу о том, что такое производительные силы как движущая сила исторического процесса. Прошло несколько дискуссий по

этой проблеме (см., например, Производительные... 1981; Обмен... 1983; см. об этих проблемах также в главах 9 и 11). Дискуссия велась в основном по вопросу о приоритете «объективных» и «субъективных» производительных сил, то есть о роли человека и его интеллекта в этом конгломерате. Так как цитаты классиков противоречили друг другу, некоторые марксистские историософы выдвигали иезуитскую формулу: материально-техническая база – **определяющий** фактор производительных сил, а человек – **главный** фактор (М. Я. Ковальзон, В. Г. Марахов).

На протяжении всего существования марксизма как системы взглядов оставался невыясненным кардинальный вопрос: почему развиваются производительные силы? Особенно трудным был этот вопрос для тех, кто считал орудия труда или средства производства главным элементом производительных сил и движущей силой. Всякому было ясно, что орудия труда не могут совершенствоваться сами по себе, что их должен совершенствовать человек. В свете этого самоочевидного аргумента очень трудно понять, как могло выживать мнение о приоритете орудий труда. Но ненамного легче было и тем, кто считал главной производительной силой человека, потому что надо было объяснить его желание совершенствовать орудия. Этот вопрос не решен до сих пор. Возможно, ответ лежит в области человеческой психологии, т. е. в области, далекой от материалистического понимания истории.

Производственные отношения определяются уровнем развития производительных сил и являются объективными, не зависящими от воли людей. Они «материальны» в отличие от других, «волевых». Но границы между этими двумя видами отношений не ясны. Производственные отношения понимаются либо как отношения, возникающие на конкретном производстве – на фабрике, в поместье и т. д., либо как вся совокупность экономических процессов – собственно производство, распределение, обмен и потребление, с которого начинается новое производство (Маркс, Энгельс, т. 46, ч. I: 25). В последнем случае совпадают понятия «производственные» и «экономические отношения», что размывает данную категорию, поскольку экономические отношения охватывают также, например, отношения господства-подчинения, даннические отношения и т. п. А кроме того, в круговороте от производства до потребления и обратно неизбежно участвуют желания человека, его «воля». Интуитивно ясно, что огромную роль в любом производст-

ве играют личностные отношения, особенно при феодализме. Однако они не признаются марксистами частью производственных отношений.

Осталась неясность также в роли отношений собственности в этом конгломерате. В разбираемом отрывке как будто бы все ясно: отношения собственности – лишь юридическое выражение (форма) производственных отношений. Но Маркс нередко употребляет выражение «формы собственности» как синоним производственных отношений (Маркс, Энгельс, т. 3: 20) или же понимает под собственностью «совокупность общественных отношений» (Там же, т. 27: 406).

Эта неясность привела к тому, что в работах эпигонов и «продолжателей» Маркса нередко производственные отношения стали пониматься как юридические нормы. И. В. Сталин в 1938 г. дал формулировку, которая утвердила такое понимание. «Состояние производственных отношений отвечает <...> на <...> вопрос: в чьем владении находятся средства производства, <...> в чьем распоряжении находятся средства производства» (Сталин 1939: 554), а последовательно рассматривая «типы производственных отношений», он каждый раз утверждает, что «**основой** производственных отношений (выделено мною. – Л. А.)» в них является та или иная «собственность на средства производства» – общественная, рабовладельческая, феодальная или буржуазная (Там же: 556).

Эти положения стали обязательными в советской исторической литературе. Это, в частности, определило юридический, правовой уклон в изучении аграрных отношений в древности и Средневековье.

Способ производства. Производительные силы и производственные отношения вместе составляют «способ производства материальных благ», две его «стороны». Их взаимодействие противоречиво. С одной стороны, производительные силы определяют тип производственных отношений. С другой – производственные отношения могут «давать простор» развитию производительных сил, а могут и тормозить его. И тогда новые производительные силы «взрывают» старый способ производства. Но, во-первых, нет четкого отделения производительных сил от производственных отношений. Например, «способ совместной деятельности» (Маркс, Энгельс, т. 3: 28) или кооперация в процессе труда могут рассматриваться как «производительные силы» (Там же, т. 23: 337). Высво-

бождение человека из общинных уз тоже понимается Марксом как развитие производительных сил (деятельности) (Маркс, Энгельс, т. 46, I: 486).

Как уже говорилось, двигатель исторического процесса в марксизме так и не был определен. Одним из вариантов объяснения этой динамики стало положение о диалектическом взаимодействии производительных сил и производственных отношений, которые будто бы подталкивают друг друга. «Источник развития общественного производства заключен в самом производстве». «В основе развития человеческой истории лежит **саморазвитие** общественно-го производства (выделено мною. – Л. А.)» (Семенов 1999: 201).

Переход с этапа на этап и революция. Когда производственные отношения «превращаются в оковы» производительных сил, «наступает эпоха социальной революции». Эту фразу и подобную ей в других сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса их ученики и последователи воспринимали как необходимость политических революций, свержения устаревшего строя. Между тем смысл этого пассажа чуть ли не обратный: «социальная революция» заключается прежде всего в «изменении экономической основы», и лишь затем **«более или менее быстро»** происходит переворот в надстройке, в том числе и политической. Однако же Маркс и Энгельс были также и политическими деятелями, революционерами, призывали к пролетарской революции и ожидали уничтожения власти буржуазии. Развертывание классовой, то есть сознательной, борьбы за переход к «диктатуре пролетариата» они считали своей главной миссией. И в этом тоже заключалось противоречие в теории.

С одной стороны, исторический процесс понимался как «естественно-исторический», идущий независимо от воли людей. Некие безликие «производительные силы» взрывают некие безличностные «производственные отношения», разрушение старого неизбежно, потому что это соответствует неумолимым законам истории. С другой стороны, чтобы это произошло, нужны конкретные усилия, классовая борьба, исход которой заведомо неизвестен нужна сознательная деятельность профсоюзов, партий, вождей и т. п. Такое сочетание уверенности в неумолимом ходе событий и призывов к борьбе уместно, если речь идет о лозунгах типа «С нами Бог!», «Враг будет разбит, победа будет за нами!». Но такое сочетание в рамках единой социальной теории выглядит противоречием. Это противоречие связано с отмеченным выше сочетанием в учении Маркса научной теории и политической доктрины.

Базис и надстройка. Итак, производственные отношения образуют «реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания». Политические, религиозные, социально-экономические и прочие идеи, а также институты, в том числе государство, «надстраиваются» над экономическим базисом, причем над разными базисами все эти «надстройки» обязаны быть разными. «Надстройка» настолько зависит от меняющихся «базисов», что право и религия «не имеют своей собственной истории» (Маркс, Энгельс, т. 3: 64)

Этот постулат опирается на общефилософский принцип: «Общественное бытие определяет сознание». Возникает вопрос: почему «общественное бытие» следует понимать как «производственные отношения» или как «способ производства»? Существует масса явлений и феноменов, не относящихся к экономике (тех же идей, институтов и явлений искусства), которые существуют помимо воли и сознания конкретных людей, являются для них «бытием» и, безусловно, влияют на их сознание.

Немецкая философия XVIII в. излишне остро поставила вопрос о противоположности материального и идеального. Это отразилось и на подчеркнутом «материализме» Маркса. Отсюда и формулировка в советской философской науке: основной вопрос философии – это вопрос о первичности материи или сознания. Но практически разделить идеальное и материальное трудно, если возможно вообще. Например, выдвижение идей, в том числе и производственных, можно вполне отнести к материальному производству. Имущественные отношения пронизывают сферы семейных отношений, искусства и т. п., и в этом смысле они тоже экономические. Власть и престиж часто служат движущими силами деятельности людей. Следует ли отнести их к экономическим интересам? Труд – это **сознательная** деятельность, без участия мозга никакая работа невозможна. Следовательно, это и физическая, и духовная деятельность одновременно.

То, что духовное невозможно отделить от материального, увидел один из ранних марксистов – А. А. Богданов (1873–1928). Он заметил, что «социальная жизнь во всех своих проявлениях есть сознательно-психическая» (Богданов 1904: 50–51)

Ю. И. Семенов пытается обосновать марксистское понимание соотношения *бытия, производства и надстройки*, вводя некоторое усложнение схемы. Во-первых, он употребляет выражение «соци-

ально-экономические отношения» вместо «производственные» и тем несколько расширяет «базис». Во-вторых, он предлагает разделить *бытие* на два «уровня» – социально-экономические отношения, которые образуют *социальную материю*, и другие, тоже объективно существующие, но созданные общественным сознанием общественные отношения, которые он предлагает именовать *социальной постройкой (конструкцией)*. *Социальная материя* определяет *общественное сознание*, а оно определяет «*социальную конструкцию*», которая, напомним, существует объективно, помимо сознания людей (Семенов 1995: 23). От этой трактовки веет искусственностью.

По духу концепции каждой ступени человеческого общества должны соответствовать не только особый способ производства, но и особая надстройка. Скажем, должны были бы разрабатываться такие понятия, как *рабовладельческая идеология, феодальная идеология*, а также *рабовладельческое государство, феодальное государство* и т. п. Речь идет не о конкретных формах государственности (например, полис или сословная монархия), а о типах, характерных для данной ступени развития. Таких исследований не проводилось. Маркс и Энгельс не имели возможности подробно разрабатывать вопрос о структуре каждой из формаций. Но их последователи имели достаточно времени, чтобы предпринять попытки определить основные типы «надстроек», будто бы образуемых каждым из выделяемых марксизмом «базисов». Однако таких попыток не делалось, несомненно, потому, что это бесперспективное занятие.

Жесткость тезиса о вторичности всей духовной жизни по сравнению с экономикой стала ощущаться к концу XIX в. Энгельс в конце жизни в письме И. Блоху попытался смягчить сей постулат. «Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-то искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственным* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение – это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные момен-

ты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты – государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм (выделено Энгельсом. – Л. А.)» (Маркс, Энгельс, т. 37: 394–395). Энгельс признает отчасти вину свою и Маркса в том, что их поняли так примитивно (Там же: 370). В другом письме, Ф. Мерингу в 1893 г., Энгельс оправдывается в том, что они с Марксом делали «главный упор» на экономический фактор, лежащий «в основе», и не обратили внимания на «обратное воздействие» того или иного вторичного фактора «на окружающую среду и даже на породившие его причины» (Там же, т. 39: 84). Эти признания, содержащиеся в частных письмах, показывают лишь то, что Энгельс хотел бы придать теории своего друга более приемлемое для здравого смысла звучание. Однако эти признания не оказали существенного влияния на дальнейшую эволюцию теории.

Схема формаций. Во всех работах Маркса и Энгельса фигурируют три докапиталистические формации, хотя они иногда носят разные наименования: племенная собственность, античная общинная и государственная собственность, феодальная или сословная собственность (Там же, т. 3: 20–22); азиатский, античный и феодальный способы производства (Там же, т. 13: 7); патриархальный, античный и феодальный строй (Там же, т. 46, I, с. 101); рабство, крепостничество, отношения политической зависимости (Там же, т. 26, III: 415); «первобытное состояние» и «позднейшие общественные отношения, основанные на рабстве и крепостничестве» (Там же, т. 25, I: 194); «рабовладельческие отношения», «крепостные отношения», «отношения дани (поскольку имеется в виду примитивный общественный строй)» (Там же: 358).

Множественность характеристик первой формации объясняется тем, что представления о первобытном строе в то время были крайне неопределенными. Маркс воспринял гегелевское членение исторического процесса, который начинался с «примитивного» «восточного общества». В «Рукописях...» он прямо отождествлял «азиатскую общину» с «первобытным коммунизмом» (Там же, т. 26, III: 439). Маркс несколько переосмыслил гегелевскую идею, уделив внимание в соответствии со своими материалистическими

взглядами общине и деспотической власти. При этом предыдущие состояния человеческого общества он просто не считал историей: «Народы, занимающиеся исключительно охотой или рыболовством, находятся вне того пункта, откуда начинается действительное развитие» (Маркс, Энгельс, т. 12: 733). История начинается, считал он, со стадии сельской общины, однако общество остается племенным. «В условиях восточного деспотизма и кажущегося там юридического отсутствия собственности фактически в качестве его основы существует эта племенная или общинная собственность, порожденная по большей части сочетанием промышленности и сельского хозяйства в рамках мелкой общины, благодаря чему такая община становится вполне способной существовать самостоятельно» (Там же, т. 46, I: 463–464).

Из этой цитаты ясно, что Маркс представлял себе первобытную общину в виде индийской, в которой существовала система содержания ремесленников, названная впоследствии системой *джаджмани*. Эта система, описанная британскими колониальными чиновниками в начале XIX в., оказалась Марксу весьма кстати для его трактовки «азиатского общества», поскольку позволяла решить вопрос о роли и судьбе ремесла в «примитивном» социуме, где заведомо не может быть городов как средоточий ремесла и торговли, а есть только «государевы станы», «нараст на экономическом строе в собственном смысле» (Там же: 470).

Формулировка «азиатский способ производства» одно время нужна была Марксу не для того, чтобы подчеркнуть особенность развития Востока в отличие от Европы, а, напротив, для того, чтобы вписать Восток в свою схему формаций на правах ее первого члена. Он считал, что в Европе до Античности существовал именно этот «азиатский» способ производства, о чем он неоднократно прямо говорит (Там же, т. 13: 20; т. 23: 88). Он видел некий период в европейской истории, «когда первоначальная **восточная** общая собственность уже разложилась, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени (выделено мною. – Л. А.)» (Там же, т. 23: 346).

В 1856–1863 гг. были опубликованы труды Г. Л. Маурера (1790–1872), в которых тот доказывал существование соседской общины в прошлом на территории Германии. Для Маркса это стало большим подарком. 14 марта 1868 г. он пишет Энгельсу, что «штудировал <...> новейшие сочинения старика Маурера» и убедился,

что «выдвинутая мной точка зрения о том, что **азиатские или индийские** формы собственности повсюду в Европе были первоначальными формами, получает здесь (хотя Маурер ничего об этом не знает) новое подтверждение (выделено мною. – Л. А.)» (Маркс, Энгельс, т. 32: 36). Русскую передельную общину в 40-х гг. XIX в. открыл барон А. Гакстгаузен (1792–1866). Маркс, узнав об этом, решил, что русская община «ведет свое начало из Индии» (Там же: 541).

В набросках письма к Вере Засулич Маркс явно оперирует данными Маурера и Гакстгаузена. Из этих набросков явствует, что он объединил индийскую общину XIX в., русскую общину того же времени и германскую общину I–V вв. в единый тип, единую стадию развития, в «*последний этап* или последний период архаической формации» (Там же, т. 19: 403), «*новейший тип* архаической общественной формации» (Там же: 404), «последнее слово *архаической общественной формации*» (Там же: 418). Основанием этого примитивного общества служит земледельческая община, но она необходимо дополняется особой формой государственности: «Изолированность сельских общин, отсутствие связи между жизнью одной общины и жизнью других, этот локализованный микрокосм не повсюду встречается как имманентная характерная черта последнего из первобытных типов, но повсюду, где он встречается, он всегда воздвигает над общинами централизованный деспотизм» (Там же: 414).

Изучая взгляды основоположников марксизма на общину, нельзя объединять рукопись Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству» и наброски письма В. Засулич, поскольку эти два текста отражают разное понимание Марксом германской общины и, соответственно, общины вообще. В «Формах, предшествующих...» он утверждает, что германская община была лишь «*объединением*», «самостоятельные субъекты которого являются собственниками земли» (Там же: 470), «община существует только во взаимных отношениях друг к другу по случаю войны, для отправления религиозного культа, разрешения тяжб и т. д.» (Там же: 472). Маркс при этом опирался на тогдашнюю немецкую историческую литературу, прежде всего на труды Георга Вайца (1813–1886). В набросках же письма к В. Засулич он полностью перешел на позиции Г. Л. Маурера и исходит из того, что в Германии

некогда существовала община с общим хозяйством, а затем община с переделами земли¹.

Энгельс в работах «Марка» и «К истории древних германцев» также развивает идеи Маурера. Он утверждает, что «речь идет уже больше не о том, как это было в споре между Маурером и Вайцем, – общая или частная собственность на землю, а о том, какова была *форма* общей собственности (выделено Энгельсом. – Л. А.)» (Маркс, Энгельс, т. 21: 139–140).

Открытие Л. Г. Морганом (1818–1881) родового строя было еще одним подарком К. Марксу и Ф. Энгельсу. С этого момента их представления о первобытности приобрели конкретные формы. Этапы «дикости» и «варварства» четко подводили человеческое общество к классовому обществу. Теперь уже Марксу и Энгельсу не требовался «азиатский способ производства» для построения стройной схемы смены формаций. Поэтому в книге Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) рассмотрение ирокезского рода сменяется без всяких опосредующих звеньев «греческим родом» и «возникновением афинского государства» (Там же, т. 21). В проблеме «происхождения государства» Энгельс обошелся без азиатской деспотии.

Это не значит, что взгляды Энгельса (а, возможно, и Маркса) на восточное общество изменились. В «Анти-Дюринге» (1878) мы видим формулировки, которые содержательно непосредственно связаны с Марксовым пониманием общины как первобытного института, над которым воздвигнут деспотизм: «Древние общины, там, где они продолжали существовать, составляли в течение тысячелетий основу самой грубой государственной формы, восточного деспотизма, от Индии до России. Только там, где они разложились, народы двинулись собственными силами вперед по пути развития, и их ближайший экономический прогресс состоял в увеличении и дальнейшем развитии производства посредством рабского труда» (Там же, т. 20: 186). В примечаниях к изданию «Манифеста коммунистической партии» 1888 г. Энгельс, упоминая Гакстгаузена и Маурера, тоже довольно ясно излагает уже известные нам взгляды

¹ Здесь не место разбирать вопрос об обоснованности различных концепций германской общины, равно как и соответствии историческому материалу бытующих представлений об эволюции сельских общин (см. об этом: Алаев 2000: 86–201). Все же для ясности надо сказать, что более поздние исследования (А. Я. Гуревич) показали, что был прав Вайц, а не Маурер. Общинная, или марковая, теория оказалась построенной на ложных основаниях.

ды: «Постепенно выяснилось, что сельская община с общим владением земель является или являлась в прошлом повсюду первобытной формой общества, от Индии до Ирландии» (Маркс, Энгельс, т. 4: 424).

Так или иначе, «пятичленка» с первобытно-общинным строем в качестве первого этапа прочно утвердилась в марксистской мысли к концу XIX в. В этой схеме «азиатский» способ был не нужен. Поэтому неслучайно В. И. Ленин в лекции «О государстве» использует именно эту схему: рабовладельческое, феодальное и капиталистическое государство (Ленин, т. 39: 67).

Естественно, что и в советском марксизме эта схема преобладала в 20-х – начале 30-х гг. После работы И. В. Сталина, которая уже неоднократно упоминалась, она стала обязательной. Дискуссия о том, не следует ли ввести в перечень формаций еще одну, основанную на «азиатском» способе производства (АСП), была насильственно прекращена в начале 30-х гг. по политическим соображениям. Дискуссия об АСП, реанимированная в 1950-х гг., «увяла» сама собой, потому что столкнулись догматическое и творческое отношения к проблеме. Дискуссия «внутри марксизма» постоянно перехлестывала в сферу «вне марксизма». При этом истинное понимание этого термина К. Марксом и его отношение к современному ему Востоку всячески замалчивалось и «замазывалось». Мы вернемся к этому вопросу, когда рассмотрим роль марксистской теории в советской и постсоветской исторической науке. А сейчас обратимся к базовым проблемам марксистской теории истории.

Субъект исторического процесса. Одним из неразрешимых вопросов, стоящих перед сторонниками этой теории, является вопрос о субъекте истории, о том социальном организме, который претерпевает переходы с этапа на этап через «социальные революции». Маркс, безусловно, мыслил в масштабах всего человечества. Во всяком случае, борьбу рабочего класса за «диктатуру пролетариата» он понимал как интернациональный проект. «Пролетарий может существовать <...> только во *всемирно-историческом* смысле, подобно тому, как коммунизм – его деяние – возможно лишь как “*всемирно-историческое*” существование» (Маркс, Энгельс, т. 3: 35). Поэтому он и организовывал «Интернационал», выдвигал лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (Там же, т. 4: 459), утверждал, что «рабочие не имеют отечества» (Там же: 444). В то же время он возражал против мнения, что он создал «историко-

философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы» (Маркс, Энгельс, т. 19: 120). Но проблемы одновременного существования разных по формационным характеристикам обществ, их влиянии друг на друга, проблемы диффузии идей, изобретений, институтов вообще не ставились в первоначальном марксизме (о диффузионизме см. в главе 12), что оставляло простор для понимания схемы формаций именно как лестницы, по которой все должны так или иначе пройти.

В этом вопросе слабость марксизма как общей теории истории заключается в том, что основоположники теории мыслили исключительно европоцентрично. Для них все народы за пределами Западной Европы были «неисторическими». О том, что основоположники марксизма относили все восточные общества к первичной формации, уже говорилось. Но «неисторическими» они считали и славянские народы Восточной Европы (Там же, т. 6: 293, 294). Это объясняет, почему они не разрабатывали вопрос о разных исторических путях народов. Народы Западной Европы представлялись определенным единством, а народы за пределами этого круга выпадали из истории и не удосуживались отдельного рассмотрения.

Ревизионизм. К концу XIX в. обстановка в Европе изменилась. Капитализм стабилизировался и успешно развивался. Рабочее движение тоже стало более зрелым. В ряде европейских стран утвердились демократические режимы. II Интернационал, основанный в 1889 г., был уже объединением довольно сильных национальных социал-демократических партий, которые играли заметную роль в политической жизни своих стран. Стало меняться и отношение к марксистским идеям. Н. И. Бухарин предложил периодизацию эволюции марксизма, которая представляется вполне здоровой. Он выделял три периода: 1) «марксизм марксовский», революционный; 2) марксизм эпигонов, марксизм II Интернационала, превращение его в «демократически-эволюционное учение»; 3) ленинизм, возврат к революционности (Бухарин 1988: 52–55). Объясняя миролюбие лидеров II Интернационала, он весьма реалистично указывает на стабилизацию капитализма к концу XIX в. и улучшение положения рабочего класса. Причем он даже замечает, что чем развитее та или иная европейская страна, тем больше там «предателей» рабочего движения.

Как уже говорилось, к 1885 г. Ф. Энгельс тоже уже не считал революцию обязательной.

Ряд лидеров II Интернационала, прежде всего Э. Бернштейн (1850–1932), пришли к выводу, что классовая борьба рабочих может ограничиться профсоюзной и партийно-политической, что парламентские методы в новых условиях вполне могут обеспечить экономические и политические права рабочих. Вместо насильственного свержения капиталистического строя они предлагали стремиться к мирному «врастанию» в социализм.

Ленинизм и «советский марксизм»². В России, напротив, марксизм приобрел более воинственный характер, поскольку он оказался созвучен распространенным здесь идеям справедливости, «всеобщего передела», эгалитаристским настроениям, укорененном в сознании многих примате общественного начала над индивидуальным. К тому же Россия в конце XIX – начале XX в. не была благополучной капиталистической страной, как страны Западной Европы. Grimасы раннего капитализма и разложение традиционного общества вызывали брожение как в среде рабочего класса, так и среди крестьянства. В какой-то степени повторилась ситуация 1848 г. Тогда К. Марксу и Ф. Энгельсу показалось, что противоречия капитализма настолько обострились, что наступило время его свергать. Такой же ситуация виделась из России в 1890–1900-х гг.

В. И. Ленин стал разрабатывать концепцию пролетарской революции в России. Его взгляды получили в России и затем в СССР наименование «ленинизм». Считалось, что это марксизм, развитый в соответствии с нуждами новой эпохи, «эпохи войн и пролетарских революций». Создалось стойкое словосочетание «марксизм-ленинизм» для обозначения официальной идеологии Советского Союза.

Основная отличительная черта ленинизма – значительный уклон в сторону разработки тактики классовой борьбы. Ленина интересовали вопросы сочетания агитации и пропаганды, тактики проведения забастовок и демонстраций, возможностей использования парламентских методов, подготовка вооруженного восстания. Можно сказать, что Ленин основал марксистский вариант политологии.

С ленинским этапом эволюции марксизма связаны также некоторые теоретические новшества. В самом начале XX в. марксисты заметили, что наступает некое новое состояние капиталистического мира, которое они назвали «империализмом». Было замечено, что

² Понятие «советский марксизм» впервые было употреблено Г. Маркузе (Marcuse 1958).

безудержная захватническая политика европейских держав по всему миру сопровождается также структурными изменениями в самом капиталистическом хозяйстве. В 1902 г. вышла книга Дж. А. Гобсона «Империализм. Исследование», в которой содержалось предупреждение, что Запад в целом вскоре может стать паразитом, процветающим за счет ресурсов всего мира. Эти идеи были развиты Р. Гильфердингом (1877–1941) в книге «Финансовый капитал» (1910). Р. Люксембург (1871–1919) в книге «Накопление капитала» (1913) также отмечала завершающийся раздел мира между державами и обосновывала мысль, что без колоний западный капиталистический мир не сможет существовать. Поэтому освобождение колоний приведет к неминуемому краху капитализма. Н. И. Бухарин также разрабатывал эту тему («Мировое хозяйство и империализм», 1913).

Так получилось, что книга В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», вышедшая в 1915 г., стала последней в этой серии и потому как бы закрывающей проблему. Ленин видел новое качество капитализма в следующих явлениях: 1) концентрация капитала и создание монополий; 2) слияние банковского капитала с промышленным и создание, таким образом, некоего нового вида капитала – финансового; 3) вывоз капитала в колонии и отстающие страны; 4) создание транснациональных корпораций, делящих между собою всемирный рынок; 5) раздел мира между великими державами с перспективой его передела в дальнейшем между ними (Ленин, т. 27: 386–387). Не все из указанных явлений оказались долговременными и фундаментальными, однако их фиксация послужила основанием для объявления этой стадии капитализма «высшей» и «последней», а самого капитализма – «загнивающим» и «умирающим» (Там же, т. 30: 163). Это «канун социалистической революции».

Таким образом, концепция империализма в исполнении Ленина давала теоретическую основу для революции.

Давало такую основу и понимание национальных движений в колониях и зависимых странах как «антиимпериалистических» и потому союзнических по отношению к пролетариату развитых стран. Вообще разработку проблем национальных движений и национализма как идеологии тоже можно отнести к дальнейшему развитию теории. Маркс этими вопросами не интересовался. Лениным, а затем Сталиным за основу категории «нация» было взято

«немецкое» понимание, а именно: нация – это этнос, который «дорос» до идей самоопределения. (В отличие от «англосаксонского» понимания: нация = гражданам государства.) В данном вопросе большевики развивали идеи, высказанные ранее австрийским социал-демократом О. Бауэром (1881–1938), однако развили их «до упора», до выдвигания лозунга «право наций на самоопределение вплоть до отделения», который способствовал развалу Российской империи в период Гражданской войны. В ходе этой войны и после ее завершения большевики вопреки своему лозунгу силой вновь собрали почти всю империю, но в устройство Советского государства тоже был введен потенциально разрушительный тезис о праве республик отделяться от Союза. Эта потенциальная энергия стала кинетической, когда начал разваливаться уже Советский Союз.

Ленину было ясно, что российский пролетариат недостаточен чисто количественно, чтобы совершить переворот во всей огромной стране и затем удержать власть. Отсюда его идея «союза» пролетариата с крестьянством, правда, при «гегемонии пролетариата» в этом союзе. «Диктатура пролетариата» в понимании Ленина – это **особая форма** союза с крестьянством и другими «демократическими» силами.

Надо было внести в идейный багаж правящей партии также другие положения, необходимые для обоснования ее политики. Среди них – положение о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране; об «общем кризисе капитализма», который будто бы начался с Первой мировой войны и Октябрьской революции; о готовности к социалистической революции всей капиталистической системы, что объясняло социалистическую революцию не в самой развитой стране, а в той, которая является «слабым звеном» всей системы; расшифровка «диктатуры пролетариата» как власти, не ограниченной никакими законами. Было ясно, что никаких предпосылок социализма в царской России не существовало. Это подрывало одно из основных положений Маркса, которое уже приводилось выше: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества» (Маркс, Энгельс, т. 13: 7). Успех революции стали объяснять особым соотношением классовых сил, невиданной

зрелостью рабочего класса, которая проявилась в том, что он «создал» «партию нового типа». В решениях партии, а также в работах Ленина (Ленин, т. 36: 5–6, 7) и затем Сталина (Сталин 1939: 111–112) было «разъяснено», что фраза о необходимости созревания производительных сил относится только к сменам одних эксплуататорских формаций другими, социалистическая же формация появляется иначе: сначала сменяется «надстройка» (то есть устанавливается власть Коммунистической партии), а потом она «подводит под себя» социалистический базис. М. Н. Покровский (1868–1932), имевший в то время статус «главного» историка-марксиста, на Первой всесоюзной конференции историков-марксистов в 1930 г. заявил, что российский пролетариат может приступить к строительству социализма **вопреки** «железным законам» «чистой экономики».

Профанация теории, признаваемой одновременно единственно правильной, проявилась также в идее, что некие общества могут «миновать» те или иные формации. Сначала идея «минований» была использована при объяснении того, почему германские и славянские народы перешли сразу к феодализму, «миновав» рабовладельческую формацию. Затем та же идея была использована еще более беззастенчиво – для обоснования того, что отсталая страна может «миновать» капитализм и идти по «некапиталистическому пути» (или иметь «социалистическую ориентацию»). Речь при этом шла первоначально о Монголии (в связи с этим возникла необходимость доказать, что хотя бы феодализм там был – отсюда концепция «кочевого феодализма»), а затем о нескольких странах Азии и Африки, руководители которых заявляли, что «строят социализм».

«Пролетарский интернационализм», столь характерный для марксизма с самого его зарождения, получил в советских партийных документах оригинальную трактовку. Так как СССР – первое в мире социалистическое государство, то долг всех рабочих мира отстаивать интересы этого государства, а не интересы своих стран. Культ революции, характерный для советской историографии 1920-х гг., в 1930-е гг. сменился культом советской власти.

Поскольку после работ Ленина было принято считать, что капитализм вступил в «монополистическую» стадию, то появление государственного сектора в экономике развитых стран стало характеризоваться как «государственно-монополистический капитализм». Дальнейшее «развитие» марксистского учения выражалось

в выработке формулировок о «втором этапе общего кризиса капитализма», «третьем этапе общего кризиса капитализма». Кажется, до четвертого этапа дело не дошло.

Соответственно, нужно было также каким-то образом объяснять, почему социализм длительное время не перерастает в коммунизм. Социализм, по решениям Партии, был в СССР построен «в основном» в середине 1930-х гг. «Полная и окончательная победа» социализма была зафиксирована в 1961 г. А где-то в начале 1960-х гг. СССР перешел на этап «развитого социализма».

Иллюзия развития теории создавалась также тезисом о перерастании «диктатуры пролетариата» во «всемирное государство», хотя характер режима несколько не менялся.

Колониализм в подавляющем большинстве стран был уничтожен не так, как предписывали решения Коминтерна и ВКП(б). По их мнению, народы колониальных стран могли освободиться только под руководством «рабочего класса», то есть коммунистических партий. Но возглавили движение и пришли к власти другие партии, считавшиеся «буржуазными». Вместо того чтобы признать ошибочность догмы, советские руководители выдвинули тезис, что хотя колониализм уничтожен, возник «неоколониализм», и страны Азии и Африки продолжают страдать от «неоколониальной» эксплуатации.

«Классовый анализ» исторических процессов, требуемый теорией, применялся как своего рода «классовая арифметика». Если тех или иных деятелей, партии, движения нельзя было квалифицировать как «буржуазные» или «пролетарские» (под последними понимались исключительно коммунистические партии), то они записывались в «мелкобуржуазные». Эта последняя категория оказалась весьма полезной. «Мелкая буржуазия» была и чем-то близкой пролетариату, поэтому с ней можно было заключать «союз», и в то же время чем-то фундаментально инородным, с чем требовалось бороться и опасаться «заразиться мелкобуржуазностью». «Мелкобуржуазностью» можно было объяснить и народные движения, и реакционные бунты.

Столь же легко были подвергнуты «классовому анализу» движения и явления Средневековья и древности. При этом исследователи были уверены, что отлично знают, какие «интересы» имеет тот или иной класс, и понимают их лучше, чем сам класс. Вполне осуществилась горькая сентенция Ф. Энгельса: «У материалисти-

ческого понимания истории имеется теперь множество таких друзей, для которых оно служит предлогом, чтобы не изучать историю» (Маркс, Энгельс, т. 37: 370)

После 1938 г. советский марксизм обрел окончательную форму, приданную ему работой И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме» (Сталин 1939: 535–563). Как уже говорилось, четкие и вместе с тем упрощенные формулировки основных категорий, безальтернативное понимание смены формаций, упор на «отношения собственности» на долгие годы определили направления исследований советских историков и философов. Даже после смерти Сталина и удаления его из числа «классиков марксизма-ленинизма» эти формулировки, по мнению академического начальства, не подлежали пересмотру.

После работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952), в которой он «открыл» «основные законы» капитализма и социализма, начались лихорадочные поиски «основного закона» феодализма и рабовладения. Поиски свелись к нахождению «безудержной эксплуатации».

Учение о формациях в руках многих «историков-марксистов» превратилось из средства исторического анализа в цель. Задача виделась в подтверждении фактическим материалом истинности этой мыслительной системы. Общие закономерности эволюции человечества оказывались применимыми к любому конкретному обществу.

Советский «творческий марксизм». Все же теоретическая мысль начала постепенно пробуждаться. В последние десятилетия советской власти зажим всякой свежей мысли стал ослабевать, и стало возможно не только противопоставлять одни цитаты другим, но и пытаться наполнить категории марксизма новым содержанием. Возникло явление (не «движение», поскольку каждый действовал в одиночку), которое можно назвать «творческим марксизмом». Его породило сочетание полного доверия к марксизму, воспитанного всей системой советского образования, уверенности в том, что в марксизме сосредоточена полная истина, с желанием осмыслить реальную историю с рациональных позиций

Разработка основных положений теории в советское время была кастрирована превращением марксизма в религию, а работ его основателей – в «Священное Писание», где любая буква становилась неприкосновенной. Даже новые идеи могли возникать и существовать только при условии признания неопровержимости всех

остальных (устаревших) положений. Подобно тому, как религиозные реформаторы, выдвигая идеи, созвучные современности, выдают свои проповеди за возврат к «чистоте» первоначального учения, так же и «творческие» марксисты периода идейного распада советской системы провозглашали «возврат к истинному Марксу».

С этим устремлением сочеталось отношение к произведениям классиков как к источнику неопровержимого знания. Можно было писать целые книги «по истории» на основе пересказа работ Маркса и Энгельса без использования исторических источников и имеющейся литературы.

Сохранялась боязнь отойти от «единственно правильного учения». Любую мысль необходимо было подкрепить той или иной цитатой из «классиков». Если же исследователь приходил к новому пониманию того или иного явления или процесса, он стремился доказать, что это не его мысль, а мысль Маркса, Энгельса или, на худой конец, Ленина. Обратная сторона того же явления: изучение эволюции взглядов основоположников учения стало невозможным, потому что каждый исследователь путем подбора цитат создавал «своего Маркса».

Основные усилия марксисты нового поколения тратили на глубокое, тщательное изучение всех произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, включая письма и рукописи. Они пытались раздвинуть рамки марксистских категорий, сделать их более гибкими, чтобы с их помощью можно было охватить многообразную историческую реальность. При этом оказывалось, что теория теряла свои специфические черты.

Направление «творческого марксизма» было глубоко враждебно официально признанному марксизму, который вел свое происхождение непосредственно от Сталина. Поэтому все попытки каким-то образом расширить возможности теории встречали серьезное сопротивление, осуществлялись через преодоление разного рода препятствий и не становились достоянием широких слоев историков и обществоведов. Например, несмотря на начавшееся обсуждение проблемы «средних слоев» или «среднего класса», «Большая советская энциклопедия» в 1973 г. утверждала, что «на самом деле никакого “среднего класса” не существует» (БСЭ, т. 12: 283).

Категорию «производительные силы» стал разрабатывать В. В. Крылов (1934–1989). Он пришел к выводу, что если учесть все высказывания Маркса, то помимо «материальных производи-

тельных сил» следует учитывать также «социальные производительные силы» (практически те же производственные отношения) и «духовные производительные силы» (то есть культуру). При таком понимании категория «производительные силы» размывалась. Оказывалось, что это «структура всего общества, обусловленная его отношением к природе» (Крылов 1997: 15).

Л. В. Данилова, попытавшись разработать понятие «производственные отношения», тоже пришла к выводу, что это весь комплекс социальных отношений, взятый в аспекте их роли в производстве. Делались попытки заменить «способ производства» более широким понятием: «способ общения» (Л. И. Рейснер), «способ производства общественной жизни» (А. М. Ковалев). Последний понимался как совокупность человеческого потенциала, социальных условий и природной среды. Высказывались мнения, что постепенные изменения могут приводить к качественным изменениям, и для этого не обязательно нужна революция.

Появление феодализма в Западной Европе, которое шло вразрез с теорией смены формаций (потому что «передовая» формация возникала в условиях упадка производительных сил), стали объяснять «синтезом» античного наследия и варварского общинного строя (Б. Ф. Поршнев). Термин «синтез» пригодился также и для объяснения ситуации в современных странах третьего мира (Н. А. Симония).

Очень модным стало слово «многоукладность». Оно годилось для обозначения любого сочетания разнородных способов производства, все объясняло, ничего не разъясняя. Оно позволяло практически забыть теорию формаций, оставаясь, по видимости, в рамках исторического материализма (поскольку термин «уклад» употреблял Ленин). Выдвигалась идея, что государственная власть может опираться на саму себя (*этакратия*), а не выражать интересы того или иного класса (М. А. Чешков). При этом ссылались на страны Востока, однако имели в виду также и советскую систему.

А. Я. Гуревич (1924–2006) пытался примирить схему формаций с исторической реальностью, предлагая считать Марксовы формации лишь идеальными типами, реально в жизни в чистом виде не встречающимися. Однако традиционалисты настаивали, что история полностью подчиняется закону смены твердо установленных формаций.

Выдвигались различные варианты схемы формаций и способов производства. Схему пытались дополнить еще одной ступенью, которая получала разные названия: раннерабовладельческая, полупатриархальная-полуфеодальная, переходная, дофеодальная, азиатская, прафеодальная. Наиболее известной в научной среде новацией из этой серии является идея «азиатского способа производства». Ученые, употреблявшие этот термин, придерживались разных точек зрения. Марксово понимание этой стадии, о котором говорилось выше, большей частью не принималось во внимание, хотя некоторые участники дискуссий об этом писали (Виткин 1972). «Азиатский способ производства» понимался либо как первая классовая формация, предшествовавшая античности, либо как особый путь эволюции Востока, принципиально отличный от пути Европы³.

В 1964 г. в Институте истории АН СССР был создан сектор по разработке методологических проблем истории во главе с М. Я. Гефтером (1918–1995). Этот сектор попытался развернуть последовательную работу по расширению возможностей марксизма как метода исторического исследования. Одной из задач сектора было «раскрыть содержание формулы» «единство в многообразии всемирно-исторического процесса» (Данилова 1968: 5). Во введении к изданному сектором сборнику подчеркивалось, что та или иная эпоха «включает в себя» разные формации, ограниченно-локальные образования, «вмещает отклонения и нетипические пути развития, наконец, его тупиковые разновидности» (Там же: 10).

Этот том («Книга 1») был посвящен докапиталистическим формациям, что позволяло поставить вопрос о том, что экономические отношения определяют все другие только в буржуазном обществе, а на более ранних ступенях развития преимущественное значение имеют другие – социальные и личные – отношения. Но сектор Гефтера был вскоре распущен, и последующие тома серии не вышли из печати.

Однако желательность «добраивания» марксистской теории, неудовлетворенность имеющимися скудными запасами категорий и определений ощущалась всеми, в том числе и теми, кто сознательно выбрал позицию защиты догм. При Отделении истории Академии наук СССР был создан научный совет «Закономерности исторического развития обществ и перехода от одной социально-

³ Различные точки зрения на «правильный» список формаций, выдвигавшиеся советскими «творческими марксистами», рассмотрены в целой серии работ (см., например: Бородай, Келле, Плимак 1972; 1975; Лынша 1995).

экономической формации к другой» во главе с академиком Е. М. Жуковым (1907–1980). Он имитировал теоретическую работу. Душой этого направления был М. А. Барг (1915–1991), который выдвигал привлекательные тезисы, старался, в частности, избавиться от прямолинейной трактовки роли «базиса» в формировании «надстройки», однако был достаточно умен, чтобы не трогать фундаментальных основ теории.

Марксисты испытывали значительные трудности при попытке выстраивания всех обществ в одну линию прогрессивного развития. Например, довольно трудно было показать, что азиатский строй в результате роста производительных сил преобразовался в античный, а тот тоже в результате перерастания производительными силами узких рамок производственных отношений превратился в феодализм. Поэтому предлагались разные варианты многовекторного развития. Так, Л. С. Васильев (р. 1930) и И. А. Стучевский (1927–1989) одно время предлагали считать азиатское, античное и феодальное общества тремя независимыми путями к капитализму. Те же трудности вызывали к жизни концепции противоположного характера – единой докапиталистической классовой формации. Ю. М. Кобищанов (р. 1934) называл ее «большой феодальной», В. П. Илюшечкин (1915–1996) – сословно-классовой с «рентным» способом производства.

Особенно интересен феномен В. П. Илюшечкина. Он выступал с позиций своеобразного марксистского «фундаментализма». Взяв за основу уровень развития производительных сил, он не обнаружил принципиальных различий в этом уровне на Востоке, а также в древней и средневековой Европе. Не обнаружил он и межформационных революций до времени генезиса капитализма. На этом основании он отверг схему формаций, предложенную Марксом, «доказав», что она взята целиком у Сен-Симона. Илюшечкин отвергал также попытки дополнить теорию формаций идеями «синтеза» (античного и варварского начал при возникновении феодализма, а также модернизационного и традиционного на современном Востоке) и «многоукладности». Он справедливо называл такие новации «кустарным конструированием философских теорий историками». В. П. Илюшечкин, по существу, показал, что одни постулаты марксизма противоречат другим, и их не удастся свести в единую теорию.

Серьезные новации внес в марксистскую историософию Ю. И. Семенов. Во-первых, он подробнейшим образом разработал

так называемую «историю первобытного общества» и теорию классовообразования. Методика его работы была традиционной: выстраивание единой линии развития путем состыковки различных состояний «примитивных» народов в разных уголках планеты. Но эта схема, идущая еще от Г. Л. Моргана и Ф. Энгельса, была при этом значительно модернизирована и наполнена богатым содержанием. Ю. И. Семенов, не акцентируя на этом внимания, убрал из своей схемы эволюции первобытного общества те положения Энгельса, которые не подтвердились позднейшими исследованиями: о господстве беспорядочных половых отношений на ранних этапах человеческого общества; об этапе так называемой семьи *пуналуа*; о первичности материнского рода по отношению к отцовскому; о «первом» и «втором» «крупном разделении труда» – сначала выделении пастушеских племен, а затем отделении ремесла от земледелия. Однако его концепция не перестала быть схемой, выражением точки зрения автора на то, как эволюция «должна была» идти.

Ю. И. Семенов безапелляционно «вставил» в схему формаций «азиатский способ производства», назвав формацию, которую он образует, политаризмом. В своих работах он утверждает, что классики марксизма понимали азиатское общество именно как первую классовую формацию и что эта точка зрения будто бы уже прочно утвердилась в науке. Так как для Маркса и Энгельса классовое общество возникает на базе частной собственности, Семенову пришлось переосмыслить обыденное понимание «частной собственности». Это выражение, по его мнению, следует понимать не как «собственность частного лица», а как «собственность части общества». Таким путем государственная собственность на Востоке превратилась в «частную», поскольку государственный аппарат – это часть общества (Семенов 2008).

Семенову удалось успешно преодолеть старый «грех» марксизма – молчание по поводу соотношения общих законов развития человечества и судеб отдельных народов. Он выдвинул идею, что каждая следующая формация возникает не там, где процветала предыдущая, а на ее периферии. Действует правило «исторической эстафеты». Субъектом эволюции и «социальных революций» является не человечество в целом и не каждый из составляющих его «социальных организмов» (*социоров*), а один из них, который тем самым открывает новые горизонты для всего человечества. Но его не слышали.

Ю. И. Семенов считает, что известных истории способов производства больше, чем формаций. Так, он ввел термин «доминантный способ производства» (крупное хозяйство собственника, который использует труд безземельных работников) и «магнатный способ производства» (эксплуатация мелкого хозяйчика, получившего землю от собственника). Впрочем, эти две системы иногда переплетаются, и тогда возникают «доминантно-магнатные» отношения.

В последние десятилетия появились и другие теории, претендующие на объяснение исторического процесса, например, представление об альтернативности или многовекторности путей эволюции (А. В. Коротаев, Н. Н. Крадин, В. А. Лынша и др.), или так называемый цивилизационный подход (И. В. Следзевский, Д. М. Бондаренко и др.) (см., например: Коротаев, Чубаров 1991; Крадин, Лынша 1995; Бондаренко 1997; 2001; Крадин и др. 2000; Крадин 2008). Однако эти теории уже явно выходят за пределы марксизма, поэтому они рассматриваются в других главах этого учебника.

Современный западный марксизм. Марксизм занимал и занимает заметное место в духовных исканиях интеллигенции во многих странах. Но он делится на несколько направлений, не совпадающих по траектории развития. С одной стороны, до сих пор продолжается разработка «теории пролетарской революции», с другой стороны, коммунисты и сочувствующие переходят на позиции чистого академизма: начинают с материалистических позиций разрабатывать проблемы философии, искусства и т. п. Появился «университетский социализм» и соответственно «университетский марксизм». «Исследования в области культуры и идеологии доминировали в марксистской мысли на Западе» (Андерсон 1991: 89). Язык марксистских работ по эстетике становится все менее понятным простому читателю.

Как и в СССР, марксизм на Западе не получил возможности развиваться самостоятельно. Основное его направление было связано с деятельностью и идеологией коммунистических партий, которые, в свою очередь, зависели, в том числе и материально, от Коминтерна, ВКП(б) и в конечном счете от СССР. Происходила «сталинизация» компартий. После Второй мировой войны, по существу, тот же процесс был назван «ждановщиной»⁴. Партии жили

⁴ А. А. Жданов (1896–1948) – советский политический деятель, в 1944–1948 гг. секретарь ЦК КПСС по идеологии.

на устаревшем теоретическом багаже, продолжая готовиться к пролетарской революции, перспективы которой становились все менее ясными. Г. Гроссман и П. Суизи в 1920–1930-х гг. доказывали, что капитализм вскоре падет под тяжестью своих проблем, не выдержав конкуренции с более эффективной советской экономикой. Ученые, пытавшиеся обновить теорию, либо исключались из партий, либо воздерживались от вступления в них.

После XX съезда КПСС (1956 г.) позиции европейских коммунистических партий стали более умеренными, они все более склонялись к эволюционизму, к пониманию марксизма в духе гуманизма. Напротив, беспартийные ученые стали нередко выступать с более радикальных позиций. Луи Альтюссер (1918–1990), который занимал во Французской коммунистической партии особое положение, мог выступать с идеей «очистить Маркса» от позднейших наслоений, выявить, «что же именно Маркс утверждал в действительности». Китайская народная республика в его устах стала идеалом социалистического общества. Что касается проблемы «базиса и надстройки», то он попытался смягчить жесткость Марксовых формулировок, утверждая, что разные «уровни» общественных отношений (экономический, политический и идеологический) имеют свою собственную структуру и свою динамику. В разные периоды каждый из этих уровней может играть доминирующую роль. Ссылаясь на Ф. Энгельса, который, как уже говорилось, писал, что экономические отношения определяют характер общества лишь «в конечном счете», Альтюссер замечал, что этот «конечный счет» никогда не наступит». Капиталистическое государство, по его мнению, не просто инструмент в руках господствующего класса. Оно действует в долгосрочных интересах капитала и капитализма, и потому имеет определенную свободу от тех или иных слоев этого класса.

Взгляды Л. Альтюссера на современное государство разделяли также Н. Пуланзас (1936–1979) и другие. Школу Альтюссера стали называть **«структуралистским марксизмом»**.

У. П. Томпсон резко критиковал «структуралистский марксизм» за его антигуманистическую основу. При «структуралистском» подходе история выглядит как «театр марионеток», где люди – винтики бездушной трехуровневой машины, обусловленной структурой способа производства, приводимой в движение «меха-

низмом присвоения» и поддерживающейся государственным идеологическим аппаратом.

Используя Марксову терминологию («азиатский способ производства»), К. А. Виттфогель (1896–1988) выдвинул концепцию «гидравлического общества», которое воздвигает над собой особый государственный строй, «восточный деспотизм». Он относил к этому типу общества и государства не только деспотии Древнего Востока, но и советскую систему (Wittfogel 1957: 441)⁵.

Схему линейного развития человечества стремился построить канадский историк Л. С. Ставрианос (1913–2004), используя идеи Г. Л. Моргана и К. Маркса, хотя формально и не объявляя себя марксистом.

Высказываются идеи, близкие к советскому понятию «многоукладность». Так, П. Андерсон понимает *формацию* как «конкретную комбинацию конкретных способов производства, организованную при доминировании одного из них».

Стивен Сандерсон предлагает новое орудие исторического познания – «эволюционный материализм». Смысл понятен: отойти от революционности начального марксизма. С другой стороны, он исходит из того, что действительно научная историко-материалистическая теория обязательно должна опираться на достижения эволюционной социобиологии. Жереми Руссо не видит *способа производства* в первобытности, в Античности и в восточных обществах, как они понимаются сторонниками «азиатского способа производства». В этих формациях он видит только способы изъятия прибавочного продукта без контроля господствующего класса над средствами производства.

Западный марксизм занят в основном современными проблемами: что из себя представляет нынешнее капиталистическое общество и каковы возможности борьбы с ним. Но и в этой области серьезным недостатком марксистской мысли остается неразработанность проблемы современного демократического государства. Во времена Маркса демократия в Европе только еще устанавливалась. Он не ощущал проблемы взаимодействия классов в рамках демократической системы. Не уделил должного внимания этому вопросу и Ленин, поскольку перед ним стояла теоретически

⁵ Интересно, что Ю. И. Семенов, являющийся убежденным сторонником «истинного марксизма», солидарен с Виттфогелем в этом вопросе. Он называет советскую систему «индустриальным политаризмом».

более ясная задача свержения авторитарного режима. Коммунистические партии Европы «унаследовали» эту «лакуну» от классиков. Марксистская политология, если можно говорить о ее отдельном существовании, не включает вопросов эволюции современного государства.

Что касается теории исторического процесса в целом, то ее разработка в рамках марксизма не имеет больших успехов. П. Андерсон признает, что за 20 лет после Второй мировой войны вклад западного марксизма в развитие теории «оказался нулевым» (Андерсон 1991: 60). Из всех направлений современного западного марксизма только так называемый **«аналитический марксизм»** пытается «достроить» исторический материализм. Дж. Козэн (Cohen 1978) предложил свою концепцию производительных сил, производственных отношений, базиса и надстройки. Он и его последователи (Дж. Элстер, Дж. Ремер) применяют современные методы аналитической философии, методы математического моделирования и т. п.

Марксистские идеи используются в концепциях, которые выходят за пределы классической теории. Наиболее ранний пример такой эволюции – опыт так называемой **Франкфуртской школы**. Это собирательное название, применяемое к определенным ученым: Теодору Адорно (1903–1969), Максу Хоркхаймеру (1895–1973), Герберту Маркузе (1898–1979), Юргену Хабермасу (р. 1929) и др., так или иначе связанным с Институтом социальных исследований, основанным во Франкфурте-на-Майне в 1923 г., а после 1933 г. обосновавшемся в США. Они используют идеи К. Маркса, З. Фрейда, Г. В. Ф. Гегеля, И. Канта, М. Вебера для обоснования того, что современное общество – это монолитная бесклассовая тоталитарная система, которая может быть разрушена только восстанием маргинальных слоев общества, поскольку рабочий класс не революционен.

Соединение марксистских и фрейдистских идей характерно для направления, именуемого **фрейд-марксизмом**. Оно интересно тем, что пытается рассматривать человека в единстве его биологических, психологических и социальных качеств и характеристик.

Современный марксизм, несмотря на свою размытость, сохраняет определенную привлекательность для специалистов во всех отраслях гуманитарного знания.

Рекомендуемая литература

- Андерсон П. 1991.** *Размышления о западном марксизме.* М.: Интер-Версо.
- Виткин М. А. 1972.** *Восток в философско-исторической концепции К. Маркса и Ф. Энгельса.* М.: Наука.
- Гуревич А. Я. 1990.** Теория формаций и реальность истории. *Вопросы философии* 11: 31–43.
- Илющечкин В. П. 1980.** *Система и структура добуржуазной частно-собственной эксплуатации.* Вып. 1–2. М.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1955–1981.** *Сочинения.* 2-е изд. Т. 1–50. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Проблемы истории докапиталистических обществ / Отв. ред. Л. В. Данилова.** Кн. 1. М., 1968.